

Московская
школа
политических
исследований

культура
политика
философия

Серия
основана
в 2000 г.
Издается под общей
редакцией
Ю.П. Сенокосова

Блэр А. Рубл
*Вашингтонская
U-стрит*
Биография

Московская
школа
политических
исследований
2012

ББК 63.3(7 Сое)6

Р 82

Художественное оформление — *Андрей Бондаренко*

Перевод с английского — *Леонид Седов*

Научное редактирование — *Андрей Захаров*

Посвящаю Насару, Джеймсу,
Эллину, Куинси,
Виктору, Келли, Мейзу и Джозефу.
Спасибо за музыку!

Р 82 **Р Рубл, Блэр.** Вашингтонская U-стрит. Биография. Пер. с англ. яз. (Blair A.Ruble. Washington's U-Street. A Biography. The Johns Hopkins University Press. 2010). М.: Московская школа политических исследований, 2012. — 424 с.

Известный американский исследователь урбанистической мировой культуры Блэр Рубл посвятил эту книгу истории вашингтонской улицы U-стрит (U street). После основания Вашингтона в конце 18-го века как столицы США U-стрит и ее окрестности стали очагом — физическим и символическим — уникальной негритянской культуры, пространством сложного, противоречивого и драматического процесса взаимодействия белого и черного сообществ Америки. Воссозданная автором бурная биография U-стрит это увлекательное, наполненное массой живых эпизодов, ярких картин, фактов и свидетельств масштабное повествование об особом микрокосме, несомненно, изменившем облик Соединенных Штатов.

ББК 63.3(7 Сое)6

Книга издана при поддержке Института "Открытое общество" (HESP), Фонда Чарльза Стюарта Мотта, Шведского агентства международного сотрудничества для развития (SIDA), группы компаний "Рольф", ОАО "Трубная металлургическая компания"

© The Johns Hopkins University Press, 2010

© Московская школа политических исследований, 2012

ISBN 978-5-91734-028-9

Вопреки всем несправедливостям, ужасам
и глупостям красота сохраняется, и нет
более высокой миссии, чем сделать мир
более богатым, чистым и красивым...

Ольга Грушина. The Dream Life of Sukhanov

Оглавление

| | |
|-----|---|
| 9 | Предисловие |
| | <i>Вячеслав Глазычев</i> |
| 12 | Предисловие |
| 16 | Введение: Вашингтонская контактная зона |
| 34 | Глава 1. Сомнительные корни |
| 59 | <i>Портреты</i> |
| 63 | Глава 2. «Вполне южный город» |
| 107 | <i>Портреты</i> |
| 111 | Глава 3. Конфронтация с федеральной властью |
| 151 | <i>Портреты</i> |
| 155 | Глава 4. «Черный Бродвей» |
| 191 | <i>Портреты</i> |
| 196 | Глава 5. Последняя колония |
| 252 | <i>Портреты</i> |
| 256 | Глава 6. Шоколадный город |
| 290 | <i>Портреты</i> |
| 294 | Глава 7. «Ты новый» |
| 350 | <i>Портреты</i> |
| 354 | Примечания |
| 407 | Выражение признательности |
| 410 | Именной указатель |

Предисловие

Нет резона предварять чтение этой занимательной книги пересказом ее содержания. Достаточно сказать, что мы в России так мало знаем из американской истории, что здесь приоткрывается многое как раз благодаря тому, что эта история предьявлена как своего рода кусочек голограммы. В отличие от академического строя подобных описаний это действительно биография небольшого фрагмента не самого большого из городов США, отличающегося от всех прочих американских городов уже тем, что городской совет и мэрия появились здесь ненамного раньше, чем в Москве, — в 1975 году.

Мне довелось недурно ознакомиться с U-стрит и ее окрестностями, в их нынешнем, респектабельном состоянии, так как по совету автора книги я дважды снимал квартиру по соседству, когда занимался исследованием социального жилья в Вашингтоне, по приглашению Кеннановского института русских исследований, многолетним директором которого является Блэр Рубл. Тогда международной группе экспертов пришлось разбираться в хаосе, созданном в городе в результате 16-летнего правления экстравагантного, мягко выражаясь, мэра Вашингтона по имени Марион Шепилов Барри — младший (один из героев книги). Обошел весь район пешком, беседовал с множеством людей, слушал джаз в здешних кафе, но только теперь, прочтя «Вашингтонскую U-стрит», я смог по-настоящему осмыслить место, где был.

Профессиональная карьера политолога всегда забирала у Рубла львиную долю времени, и поле его служебных интересов преимущественно заполнено анализом событий на постсоветском пространстве. Это так, но каждую свободную минуту Рубл отдавал и отдает до сих пор урбанистике — сравнительному исследованию крупнейших городов. Совсем молодым стажером он достаточно долго жил в Ленинграде, и уже тогда его воображение было захвачено параллелизмом между Вашингтоном и Петербургом. Это два искусственных города, спроектированные по общим образцам европейской планировки и волевым усилием власти воздвигнутые на болотах, только один — на болотах холодных, а другой — на болотах, затянутых жаркой дымкой. Соотнесение сходств и различий, сравнение культурных историй городов и горожан — вот подлинная страсть Рубла.

Нередко, из-за нехватки времени, он ограничивается ролью составителя и редактора сборников по урбанистике, включая новейший по времени «Cities after the Fall of Communism» (Города после краха коммунизма), в котором собраны любопытные очерки о сегодняшних Вильнюсе и Новгороде, Вроцлаве и Таллине, Одессе и Севастополе, Калининграде и Харькове, Щецине, Львове и Лодзи. Однако полноты реализации замысла удастся достичь в книгах. Среди них «Leningrad: Shaping a Soviet City» (Ленинград: формирование советского города, 1990), блистательно выстроенная «Second Metropolis»: соотнесение судьбы «вторых столиц» в позапрошлом столетии: Чикаго, Москвы и Осаки — «Прагматический плюрализм в Чикаго позолоченного века, в Москве серебряного века и в Осаке эпохи Мэйдзи»*. Что-то еще ждет, когда у автора достанет времени, поскольку Рубл в

последние годы накапливает новый опыт, щедро делится им с друзьями, и его очерки о городах Латинской Америки или Южной Африки явно сложатся в новую книгу. Но пока это «Вашингтонская U-стрит», замысел которой сложился еще в 1997-м, и реализация этого проекта требовала от автора немалого мужества, поскольку всегда найдется немало претензий к белому автору книги о «черном» районе. Претендовать на пространную характеристику книги не считаю себя вправе — лучше предоставить слово профессору Йельского университета Джонатану Халловэю: «Никто, насколько мне известно, не выстраивал столь объемное повествование о “черном” Вашингтоне. Есть немало книг о “черном” Вашингтоне в тот или иной период его истории, но их авторы и не пытались дать столь панорамный взгляд, какой обнаруживается в “Вашингтонской U-стрит”».

Вячеслав Глазычев,

доктор искусствоведения,

профессор Московского архитектурного института

* Рубл, Блэр А. Стратегия большого города. Прагматический плюрализм в Чикаго «позолоченного века», Москве серебряного века и Осаке эпохи Мэйдзи. — М.: Московская школа политических исследований, 2004. — 456 с.

Во-первых, культура — это навсегда.
А угасают политика и эго*.
Роберт Томпсон, 2005

Предисловие

Около десяти лет назад ранним воскресным утром мы с женой Салли спускались по обветшалой винтовой лестнице, ведущей из клуба «Twins Jazz», который водрузился над рестораном «Джумбо пицца» на U-стрит, сразу после пересечения с 14-й улицей в центре Вашингтона. Оказавшись на улице, мы ощутили на себе тяжелое и теплое покрывало слегка затхлого летнего washingtonского воздуха, но это не испортило нам настроения. Ведь перед этим, начиная с раннего субботнего вечера, мы пережили редкое удовольствие от соединения лучших образцов здешнего джаза с дружелюбием персонала и завсегдатаев, переместившихся сюда вслед за самим клубом с северо-западной окраины города в ходе переустройства U-стрит.

Разговоры в ту ночь носили более острый характер, чем обычно бывает в уютных клубах. Только что неподалеку появился кондоминиум «Эллингтон» с квартирами стоимостью в миллион долларов и новой, с иголки, студией загара, вызывающе глядящей на улицу. Для завсегдатаев «Twins Jazz» эта студия, продержавшаяся, впрочем, недолго, была большим оскорблением, чем квартирные ценники, вывешенные в окнах. Им казалось, что U-стрит — это их улица, но теперь они теряли ее, дом за домом и

* Robert Farris Thompson. *Tango. The Art History of Love.* — New York: Pantheon Books, 2005. — P. 24.

квартал за кварталом. Спускаясь по лестнице в то утро, я сказал Салли, что хочу написать об этом книгу.

В разговорах, состоявшихся той душной ночью, я вдруг понял, что история U-стрит не вмещается в рамки, задаваемые историей Вашингтона и даже страны в целом. Музыканты, игравшие так здорово, созидали нечто прекрасное, причем они делали это вопреки всем неприятностям и невзгодам, настоящим и будущим. Погружаясь в мир U-стрит, я все отчетливее понимал, что биографией этой улицы должен стать рассказ о том, как люди стремятся к совершенству, невзирая на глупость, несправедливость и жестокость окружающей жизни.

Но, даже преисполнившись в то утро решимости, я вынужден был признаваться себе, что мой замысел может оказаться безрасчудной затеей. Ведь я не принадлежу к сообществу, о котором собираюсь писать. К тому же я не историк, не коренной washingtonец, не афроамериканец. А это означает, что книга будет написана посторонним человеком — независимо от моего стремления предоставить сообществу U-стрит возможность высказаться. Мне остается надеяться лишь на то, что мой взгляд со стороны окажется созвучным настроениям тех людей, для которых эта улица стала родным местом, и сможет подчеркнуть достоинство их уличного сообщества и внушительность былых достижений.

Так каким же образом уроженец Нью-Йорка, белый, специалист по России, получивший степень в канадском университете, вдруг взялся за исторический сюжет, столь важный для города Вашингтона и его чернокожих обитателей? Как и в большинстве случаев, связанных с писательством, ответ на этот вопрос обусловлен глубоко личными и даже автобиографическими причинами. Мы с женой почти тридцать лет прожили в окрестностях Дюпон-Серкл — в особой среде, находящейся всего в паре миль от U-стрит. У нас были коллеги, выросшие и проживающие на U-стрит. Мы постоянно посещали этот район по мере того, как он превращался из пораженной насилием зоны «городского бедствия» в модный рынок недвижимости. Наконец, мы частенько навещали в «Twins» и другие джаз-клубы по соседству, и это продолжалось много лет.

Профессиональные занятия также сыграли здесь свою роль. Изучая города бывшего Советского Союза и других стран, я пришел к убеждению, что моя вторая родина, Вашингтон, тоже способна предложить богатый материал для понимания городских проблем. Американцы часто игнорируют округ Колумбия, полагая, что особенность места не позволяет сопоставлять его с какими-либо иными территориями США. Но, по моему мнению, которое будет обосновано ниже, такой взгляд порожден расизмом и, в свою очередь, только усугубляет политическую изоляцию преимущественно чернокожего населения федеральной столицы.

Я вовсе не хочу сказать, что всякий, кто разделяет мнение об обособности округа, непременно расист. Проблема гораздо сложнее. Представления о том, что в Вашингтоне нет «подлинной» городской жизни, как нет и «настоящей» истории, что он, в отличие от прочих урбанистических сообществ, вообще не является «городом», возникли примерно в то самое время, когда черные и белые только начали заселять места, где позже возникла U-стрит. Подобно мифу о том, что окружное самоуправление в 1870-е годы было упразднено якобы из-за коррупции, непризнание за округом Колумбия статуса живого и дышащего городского сообщества, населенного десятками тысяч американских граждан, было нацелено на «замораживание» местного политического контроля в первом крупном городе США, где большинство жителей составили афроамериканцы.

Сотни зарубежных ученых, главным образом из России и Украины, работавших в рамках программы, которую я вел почти двадцать лет в Центре Вудро Вильсона, никогда не сомневались, что Вашингтон — настоящий город с захватывающей историей. Я в неоплатном долгу перед замечательными специалистами, с которыми мне довелось тогда работать: благодаря нашему общению я понял, что совсем не обязательно пересекать половину земного шара, чтобы обогатиться свежими идеями касательно повседневной — человеческой — жизни городов. В конечном счете, история U-стрит есть повествование о том, что значит быть человеком.

Разумеется, эта книга, идея которой родилась во время живых разговоров в баре, обязана в первую очередь тем, кто прежде уже трудился на этом поприще. Жизнеописание района было бы невозможно без обращения к работам многочисленных историков, ранее занимавшихся Вашингтоном, северо-западной частью города, U-стрит. Разумеется, изучение федеральной столицы остается фрагментированным и лежащим на периферии американской урбанистической истории. Но корпус таких исследований, как и сама история Вашингтона, гораздо богаче и разнообразнее, чем можно было бы представить. Многие данные, которыми я пользовался, можно найти лишь в магистерских дипломах и докторских диссертациях, в закрытых отчетах и местных публикациях. Надеюсь, что читатели последуют моему совету и, бросив взгляд на всю совокупность предыдущих работ, обратят внимание на писателей и ученых, творивших до меня.

Введение

Вашингтонская контактная зона

Вся история U-стрит — это история семей. Это история людей. История церковей. История тяжелого труда*.

Роуламин Куандер

Вашингтон — город призраков. Но не тех голливудских бесов, изгнание которых на больших и малых экранах так забавляет миллионы кино- и телезрителей. Этот город населен призраками африканских невольников, возделывавших землю в низине, где сейчас находится мемориал Джефферсона. Призраками человеческого скота, пережившего ужасы одного из крупнейших в Америке рынков «живого товара», располагавшегося там, где ныне стоит министерство энергетики. Призраками рабов и бедняков, сновавших по улицам, сегодня погребенным под комплексом правительственных зданий так называемого Федерального треугольника. Призраками запуганных рабов, тысячами бежавших через фронтные линии самой кровавой в истории Америки войны, чтобы превратиться, и образно, и юридически, в «контрабанду», как тогда называли беглых^{1**}. Столетия спустя дух присутствия этих «призраков» все еще ощущается в политической, социальной и культурной жизни Вашингтона.

* What's the Story? A Deeper Look at the History of Greater Shaw in Washington, D.C. in the Context of the National African American Experience. Conference Proceedings, December 7–8, 2004 (Washington, D.C.: Cultural Tourism, D.C., 2005).

** Примечания см. в конце книги. С согласия автора мы несколько сократили огромный массив примечаний за счет тех, что понятны исключительно жителям Вашингтона. — Прим. ред.

Вашингтон, называемый также округом Колумбия, просто «округом» или D.C., не просто творение рационалистического ума XVIII века, размещенное по замыслу французского военного инженера Пьера Ланфана, словно на шахматной доске, на местности, лишенной каких-либо выдающихся черт. Образ этого города — не географического места, а архитектурного явления — овладевал воображением американцев по мере того, как планировщик привязывал свои проекты к топографии, подчеркивая при этом значимость немногочисленных правительственных учреждений — поместив, например, здание Капитолия на холме Дженкинса². В книге, однако, мне хотелось показать, что дело не только в воображении: вопреки всем, кто думает иначе, Вашингтон — вполне реальный и весьма непростой город, имеющий собственную историю.

Однако факт ее наличия отрицается столь же долго, сколько федеральная столица не имеет своего представительства в конгрессе Соединенных Штатов³. Для многих американцев Вашингтон никогда не был — да и сегодня не является — «настоящим» городом. Поэтому представителям белых элит так легко было настаивать на том, что он не заслуживает таких же политических прав, какими обладает вся остальная страна. В этом смысле город являет собой живое подтверждение мысли, которую высказал нобелевский лауреат по экономике Амартья Сен: «Когда речь идет об объяснении и оправдании провалов в управлении и публичной политике, асимметричное распределение власти между правящими и управляемыми, порождающее чрезмерный контраст идентичностей, может подкрепляться культурными предрассудками»⁴.

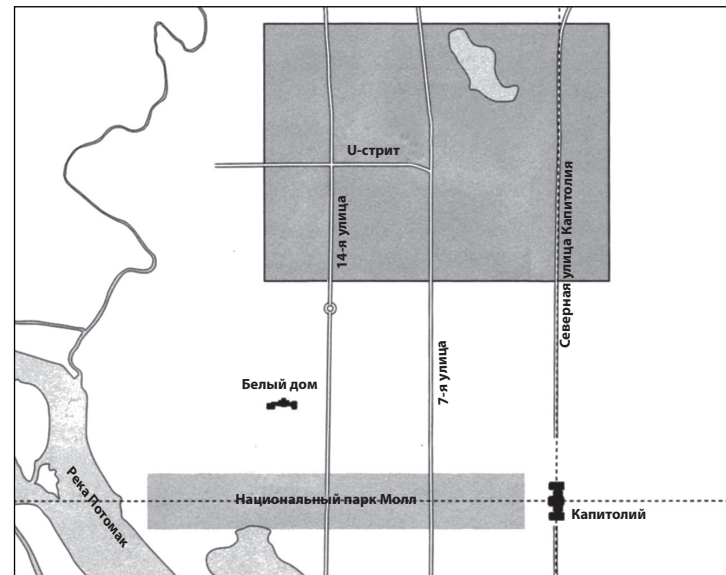
По его словам, «сложилась устойчивая привычка искать причины бедствий не в плохом управлении, а в культуре подданных». Чернокожие жители Вашингтона сразу поймут, что имеет в виду Сен. Их город взрастил городские сообщества, оставившие не только след в местной истории, но и великие достижения и грандиозные ошибки, изменившие всю страну. В округе Колумбия сложились настоящие афроамериканские городские сообщества и аутентичные городские предания. Но зачастую их

игнорировали и отвергали как местные, так и федеральные власти, что равносильно отказу и от истории сложных и разнообразных белых общин, также формировавших город Вашингтон на протяжении почти двух веков с момента его основания.

Многие местные предания родились в городских кварталах, примыкающих к U-стрит⁵. Самый знаменитый уроженец этого района, Эдвард Кеннеди «Дюк» Эллингтон, с теплотой вспоминал в мемуарах «Музыка — моя повелительница» свое детство, проведенное в районе 13-й улицы и Т-стрит. (Т-стрит находится по соседству с U-стрит согласно алфавитному порядку расположения улиц с востока на запад; улицы, обозначаемые цифрами, идут с севера на юг.) Эллингтон рассказывает о первых уроках игры на фортепьяно, о том, как продавал арахис, попкорн, сигары во время матчей на близлежащем стадионе Гриффита, как исследовал город с кузеном Сонни, как играл в бейсбол на пустыре, возле 16-й улицы прямо перед одинокой конной статуей Теодора Рузвельта.



U-стрит в 1930-е гг. На заднем плане видны мачты освещения стадиона Гриффита.
Фотография Роберта Макнилла, Научная библиотека Вашингтонского исторического общества



Район U-стрит на карте-схеме Вашингтона
(карта Уильяма Нельсона)

Читатели мемуаров, с трудом представляющие эллингтоновский Вашингтон как «настоящий» город, быть может, не обратили внимание на описание бильярдной Фрэнка Холлидея возле театра Ховарда на Т-стрит между 6-й и 7-й улицами. Это заведение, пишет Эллингтон, «не было обычной местной забегаловкой. Оно выделялось среди прочих бильярдных. ... Здесь перемешивались представители всех слоев общества: школьники младше и старше шестнадцати, студенты и аспиранты колледжей, начинающие специалисты в области права, медицины, естественных и точных наук, а также многочисленные проводники поездов и официанты вагонов-ресторанов»⁶. Эта бильярдная стала вторым домом для доктора Чарльза Дрю, прославившегося исследованиями плазмы крови, для профессионального игрока в бильярд Кларенса «Снейка» Кабайнесса, для юного Эллингтона, лучшего здешнего пианиста.



Бильярдный зал "Праздник", 1930-е гг.

Фотография Роберта Макнилла, Научная библиотека Вашингтонского исторического общества

Бильярдная была своего рода социальным смесительным сосудом, какие присущи настоящим городам, то есть урбанистическим сообществам, где люди живут «реальной» жизнью. В Соединенных Штатах граждане городов, в которых существуют точки социализации, подобные заведению Холлидея, обычно в полном объеме пользуются всеми демократическими правами. Но Вашингтон был исключением. В детские годы Элингтона никто из публичных деятелей не являлся сюда для общения с электоратом, поскольку в 1874 году специальным актом конгресса округ был лишен избирательных прав.

История U-стрит в то время, когда Элингтон был мальчишеским, насчитывала примерно одно поколение. Среди первых поселенцев этого района были рабы, бежавшие из южных штатов в самом начале Гражданской войны. Не будучи по-настоящему освобожденными, эти люди фактически были «беглыми»; их присутствие утвердило в районе дух неоднозначности, сохраняющийся до сих пор.

В результате отрезок U-стрит между 3-й и 18-й улицами северо-запада стал восприниматься как некое «особое» пространство. Подобно московскому Арбату⁷, это понятие охватывало целый мир окрестных улочек, переулков и достопримечательностей. Будучи своеобразным центром вашингтонского «тайного города», окрестности U-стрит превратились в элитный район угнетенного меньшинства, в зону вынужденного общения черных и белых, а также смуглых грандов-самозванцев, утверждавших свой статус на основании более светлого оттенка «цветной» кожи⁸. Позднее U-стрит оказалась охваченной бурями межобщинного насилия, сначала повлекшего за собой упадок городской жизни, а затем неуклонный процесс реконструкции городской среды.

Впрочем, этот афроамериканский город оставался тайным только для тех белых, которые не желали ничего о нем знать. В действительности лишь немногие районы Вашингтона могли похвастаться таким количеством знаменитых обитателей, как U-стрит и ее окрестности. Как заметил Хуан Вильямс, бывший автор редакционных передовиц «Washington Post», «само пребывание в этом месте уже говорило, что ты кое-что значишь»⁹. О том же в самом начале XXI века рассказывал репортеру местный бизнесмен и неформальный «мэр U-стрит» Джон «Батч» Снайпс: «Находясь хотя бы поблизости, вы уже приобщались к привилегированному сословию»¹⁰. Это был район, где родители не отпускали детей играть во дворе, не принарядив их. Он мог оставаться особенным, несмотря даже на наличие в городе мест обитания афроамериканских общин, вообще не затронутых расовой сегрегацией, таких как Джорджтаун, Фогги Боттом и другие.